«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» БЕЗ ФУТЛЯРА Графологический портрет

Всякий идет туда, куда ведут его наклонности. $A.\Pi.\ \textit{Hexos}.\ \text{Чайка}$

Ю.С. ПЕТРОСЯН

Введение

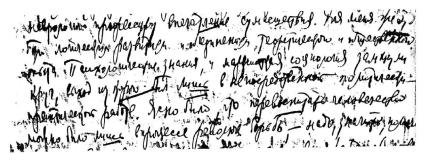
Уже беглый просмотр автобиографии А.Б. Залкинда, написанной от руки, сразу вызывает двойственное впечатление. Почерк, которым она написана, кажется единым, «отлитым» в четкие формы и даже монументальным. Одновременно возникает ощущение «непрописанности» и непропорциональности: почерк то прямой и оттого выверенный и спокойный, то производит впечатление беспокойства и «мельтешения». Строки тоже выглядят ровными, слова в них — соразмерными, расстояния между ними — установившимися и одинаковыми. Но лишь «относительно» и «как бы». Манера письма Залкинда представляется мягкой и плавной и одновременно жесткой, рваной и даже агрессивной; аккуратной в изящных деталях и вместе с тем неряшливой. И только тут становится понятно, что в почерке присутствует некая внутренняя антиномия. В нем проступает своеобразная пульсация письма, его внутренняя ритмика.

«Хозяина» такого почерка вряд ли можно представить простым и предсказуемым человеком, раз он так сбивчиво, но настойчиво «сообщает» о себе в письме. Захотелось понять его глубинные эмоциональные основания и их корреляцию с личностными свойствами, выявить интеллектуальные наклонности и человеческую натуру. Так и возник этот личностный портрет, построенный на особенностях почерка.

Психоэмопиональные особенности

Уже поверхностный взгляд на почерк Залкинда позволяет зафиксировать некоторые характерные черты. Высота и ширина букв, формы петель и штрихов, «плавающие» строки и другие подобные признаки выказывают чувствительного человека с сильным внутренним волнением. Возможно, внешне такой человек и кажется спокойным и даже медлительным. Но поскольку при письме он может лишь отчасти контролировать свои движения, переживания и импульсивные порывы дают о себе знать. Обилие «необязательных» движений руки, незакрепленные комбинации линий, связывающих буквы, тоже говорят о возбудимости, переходящей в нервность. Будучи человеком импульсивным, он с тру-

дом контролирует свои чувства, что проявляется в почерке в виде признаков быстрой смены настроения (Илл. 1).

Илл. 1

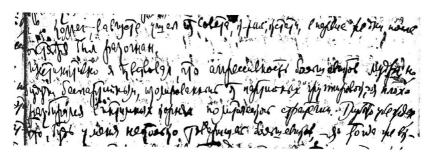
Обратимся к свойствам письма, которые непосредственно формируют неповторимый авторский стиль. Написание букв «ь» и «ы» оригинально и даже артистично (например, в словах «довольно», «статьи», «больших», «научные»). Это выражается в слитном написании мягкого знака с соседней буквой, выполняемом резким движением руки, как бы «выписывающим» единый символ. Отсюда можно заключить, что «хозяин» почерка является натурой впечатлительной, тянущейся преимущественно к духовным формам освоения действительности. Правда, тот же «ь» в сочетании с буквой «т» («понять», «развернуться») «накрывается» сверху прямым горизонтальным или куполообразным штрихом, что говорит о безотчетном желании пишущего обезопасить себя. Но как исчезающе тонок завершающий штрих в мягком знаке, и как грубо рядом с ним выглядит дубинообразный штрих в букве «ы»! В одно мгновение одухотворенность и мечтательность переходят в «приземленность» и реализм. Возбуждение и торможение наступают практически одновременно, что внешне воспринимается как частая смена настроения. Только что человек был энергичен, порывист и деятелен, и вдруг он оказывается медлительным и понурым.

Но хотя Залкинд, безусловно, представляется натурой импульсивной, он старается сдерживать свои непосредственные реакции. Как следствие, у него нередко возникают аффективные взрывы. В этом отношении следует обратить внимание на начальные штрихи разного размера и «мягкости» в буквах «р», «п», «и». Они тоже выдают склонность человека действовать по внутреннему побуждению, импульсивность и дух противоречия. Это подтверждается и формами слов, среди которых есть гиперболические, параболические, волнообразные и просто хаотические. В них нет выверенности, четкости — стилистического и динамического единства.

Неоднозначен и наклон почерка. С первого взгляда он вообще кажется прямым. Но, если внимательно присмотреться к нему, то откроется более сложная картина. У левого поля он «наклоняется» влево, ближе к середине «выпрямляется», а к концу строки «заваливается» вправо. Словом, строки тут чем-то напоминают веер. Даже в отдельных словах можно обнаружить эту веерообразную форму. Это тоже свидетельствует о том, что «хозяин» почерка, будучи весьма чувствительным человеком, всячески старается подавить свои чувства. Он безотчетно «зажимает» себя; оттого в начале строки обычно наблюдается левый наклон. Затем самоконтроль ослабляется, и буквы выстраиваются в ряд. Наконец, у правого поля он почти вовсе исчезает, и почерк приобретает естественный для автора правый наклон.

Тем самым проступает психоэмоциональное поле личности, силовыми линиями которого являются импульсивность, неуравновешенность и тревожность, с одной стороны, и подавление чувств и эмоций, — с другой. Эмоциональная неустойчивость порождает утомляемость, которая, в свою очередь, закрепляется на фоне противоречивых индивидуальных реакций.

Правое поле — маленькое и неровное — тоже указывает на спонтанную натуру, слишком увлеченную собственным самоутверждением, далеко заходящую в мечтах и фантазиях. Спустившись на землю, она испытывает болезненное разочарование из-за неспособности трезво оценивать события и ближайшее будущее. Развивающаяся на этом фоне боязнь проявить себя, высказать свое мнение подтверждается еще одним свойством почерка — почти одинаковыми размерами заглавных и строчных букв (Илл. 2).

Илл. 2

Заглавных букв, сбалансированных с общим размером почерка, немного, как немного и чересчур больших. Но они представлены в подписи, в концентрированной форме выражающей собственное «Я» в его отношении к семейно-родовой истории (*Илл.* 3). Тут заглавные буквы утрированно велики, выполнены в чересчур художественной манере. И это неслучайно. Таково личное ощущение собственной значимости и веса. Размерный ряд строчных букв тоже неоднороден. В частности, иногда строчная преобладает над заглавной и выполняется с нажимом посредине (показательна в этом отношении буква «т» в любых связках, а также буквы «я» и «ж»), что также характеризует автора как человека чувственного.

1918-194) - 4 referential Happy reference liter of a formal sound of the state of a general. Tours of years.

1 1918-194) - 4 reference of years.

1 1918-194 (1910-1944) - Tours of years of the state of the state

Илл. 3

В почерке явно нарушена пропорция между главными и второстепенными частями букв. Автор не обладает развитым и устойчивым чувством меры и не вполне уравновешен в своем поведении и суждениях. К тому же второстепенные части букв сильно увеличены. Даже если сделать поправку на каллиграфичность, это все-таки свойство возбудимого и экспрессивного, с одной стороны, и впечатлительного, тревожного человека, — с другой. Буквы, как бусы разной величины, нанизываются на нити различной толщины, что свидетельствует о серьезной эмоциональной неустойчивости. Единообразие отсутствует и в черточках над «й» — они то сливаются с буквой, то доминируют над ней, то изображаются небольшим и не очень высоким куполом.

The somewhen perhaps and envery response of a least the start of the s

Постоянные эмоциональные «перепады» и стремление их не допускать внешне проявляются как оживленность и даже веселость, перемежающиеся с сосредоточенностью. Если учесть также манеру чрезмерно вытягивать и даже подрисовывать горизонтальные штрихи в буквах «б», «т» (*Илл. 4*), станет очевидным бессознательное стремление обезопасить себя, «укрывшись» от внешнего мира. Еще один способ написания «б» — без горизонтального верхнего штриха, когда буква выглядит как зеркально выполненный «ь», т.е. вообще без верхней черточки, — намекает на экзальтированность натуры.

Заметно ниже воображаемой линии строки ставятся знаки препинания (*Илл. 2, 4*), что свидетельствует о невысоком состоянии духа и подсознательном чувстве вины. При кажущемся единообразии они весьма разнородны. Особенно показательны запятые и точки с запятой — чрезмерно большие, задевающие нижележащую строку, выполненные с нажимом и с волосовидным окончанием влево; прямые утолщенные; прямые тонкие, маленькие и короткие. Вряд ли это можно объяснить простой физической усталостью. Конечно, жирные точки в конце предложения означают передышку или затянувшуюся паузу перед следующим предложением. Но важнее другое — быстрая эмоциональная утомляемость на фоне противоречивых индивидуальных реакций. И чем сильнее подавляются эмоции, тем более непредсказуемо их влияние на интеллектуальный строй и поведение этого человека.

Левое поле — непропорционально маленькое и неровное. Рука пишущего в порыве так и тянется его заполнить, отчего оно становится волнистым. Человек не просто привязан к прошлому; оно довлеет над ним, заставляя снова переживать то, что хочется забыть или, по крайней мере, дистанцироваться от него. Постоянный эмоциональный «перегрев» — одно из устойчивых последствий «выяснения отношений» со своим прошлым и семьей. Именно с компенсаторной целью человек бросается в гущу событий, в работу и общение. Но это лишь еще более выпукло и больно напоминает ему о прошлом.

Этот почерк ни с каким другим не спутаешь. Его стилистическая композиция возникает не из четкой структурированности и геометрической выдержанности текста, ровности линий, одинаковости строк и полей, за которыми стоит спокойный, уверенный, самодостаточный человек. В нашем случае она скорее угадывается, «схватывается». И за ней — другой человек, чьи внутренние реакции также неоднозначны и крайне противоречивы, как и темперамент в целом. «Как все непросто в этом человеке!» — скажет любой, кто хоть мельком взглянет на его почерк. Элементар-

ное человеческое спокойствие, не говоря уже о радостной и полнокровной жизни, является для него чем-то недостижимым, ибо он буквально соткан из противоречий. Гигантская внутренняя работа — всевозможные сомнения, эмоциональные скачки от паники до самовозвеличивания и постоянное сдерживание себя — истощает и изматывает его. И все-таки письмо едино и по-особому целостно в своей «негармоничной гармонии».

Склад личности

Каким образом психоэмоциональные особенности, определяющие темперамент нашего автора, влияют на склад его личности? Какие черты характера составляют личностные доминанты?

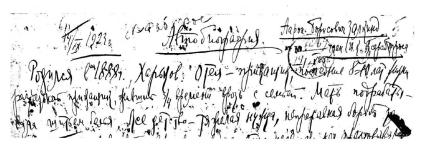
Верхнее поле мало (Илл. 5). Человек находится под ошутимым давлением внешних, принятых обществом норм. В правом верхнем углу первого листа он написал мелко, но разборчиво и подчеркнул с достаточным нажимом фамилию, имя, отчество и членство в ЦК общественной организации. Разборчивостью и подчеркиванием в данном случае пишущий обращает внимание на свой общественный авторитет и уважение собственных принципов. Свое — невысокое — место в социальной иерархии он отчетливо понимает и готов действовать по правилам, чтобы обеспечить себе безопасность.

Подпись в конце текста однозначно свидетельствует об отнюдь не скромном самоощущении (*Илл. 3*). В ней маркировано и крупное «А» в виде буквы имени, отделенной от фамилии точкой. Это фиксация на собственной индивидуальности и неудовлетворенность репутацией семьи. Но разборчиво написанная фамилия показывает, что прошлое и семья не перестают быть для него источником дискомфорта и тревоги.

Нижнее поле тоже мало. Пишущий подсознательно стремится конкретизировать свое место в жизни, потому что ему не хватает определенности. А в способах написания составных букв он проявляет свой диапазон самооценки. В буквах «ж», «у» заметно доминирует второй штрих. Это значит, что она невысока и связана как раз с низким социальным статусом. Зато в буквах «м», «ш», «щ» и некоторых других явно выше первый штрих, что указывает на самоуважение и позиционирование, не вытекающее из социального статуса. Таким образом, сознание своей малости тут резко контрастирует с амбициозностью.

Конечные штрихи в буквах «д» и «я» выполнены против направления движения руки. Это признак недоверчивости и тревоги в отношении будущего. Зато хаотически расположенные в тексте и очень крупно написанные слова свидетельствуют об острой жажде добиться успеха или хотя бы обратить на себя внимание.

Иногда графологическая плоскость анализа текста — «как» написано — пересекается с содержательной плоскостью — «что» написано. Кое-где отчетливо проступает бессознательная оценка автором собственных достижений (*Илл. 6*). Связка слов «...три довольно крупных статьи» выполнена несоразмерно мелко по сравнению с остальным предложением. И дело не в размере, а в том, что рука не смогла скрыть отношение человека к истинному весу своих «крупных» статей. Тремя строчками ниже, по этому же лекалу эмоциональной описки, рука укрупняет буквы в словах, где речь идет о сильном желании отдаться любимой работе. Так письмо чутко улавливает, казалось бы, неуловимую игру чувств.

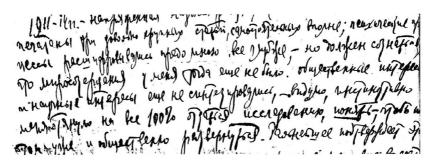

Илл. 5

Размах письма — в основном вертикальный. Горизонтальные линии в нем — в виде отдельных штрихов над «т», «б», иногда над «к» (*Имл. 4*). Это тоже признаки амбициозности, сдерживаемой мнительностью и повышенной тревожностью. Снова проглядывает противоположность устремлений: желание быть на людях, общаться, привлекать внимание, стяжать авторитет и славу, с одной стороны, и быть осторожным, осмотрительным, «не высовываться» — с другой. Выдвинуться, добиться общественного положения, убедить себя и всех остальных в собственной полезности и незаменимости — эта ориентация подтверждается и манерой расписываться (с завышенной горизонтальной чертой в букве «А», разборчивой и монументальной, с конечным вензелем). При этом наличие имени в росписи говорит о желании утверждаться в жизни за счет собственных усилий, а не покровительства семьи.

Однако чрезмерное увеличение второстепенных деталей букв и броское, негармоничное подрисовывание некоторых штрихов выдают тщеславную натуру с неумеренной тягой к самовыражению и склонностью к внешним эффектам. Внутри этого витии и актера находится не очень уверенный в себе человек, колеблющийся и вынужденный лавировать. Это видно по преобладающей

направленности строк. Кажется, что они вытянуты вверх, но с элементами «западания» в конце и специфическими внутристрочными гиперболами и параболами. Это характерно для псевдооп-

Илл. 6

тимистов, вынужденных на свой лад преодолевать упадок духа.

В этом отношении показателен и нажим, с которым выполняются графические знаки. Текст написан чернильной ручкой. Значит, при письме толстые и тонкие штрихи должны строго чередоваться. Это и наблюдается, но далеко не в правильном порядке. Большая часть первого листа писалась без достаточного количества чернил. Там толстые (в том числе очень толстые) штрихи заметны, но не регулярны в буквах «з», «у», «т», «к» (Илл. 1). Начиная с последней трети листа, когда в ручку были добавлены чернила, нажим (чередование тонких и толстых штрихов) практически исчез. К тому же и постскриптум выполнен полностью тонкими, волосовидными линиями (Илл. 3). Если бы писал человек волевой, напористый и по-настоящему деятельный, то текст был бы темный от нажима, а в постскриптуме из-за нехватки чернил лист был бы поцарапан. Стало быть, автор, хотя и по-своему деятелен, достаточной настойчивостью и серьезными волевыми качествами не обладает. Напряжение выражается не столько в нажиме, сколько в стягивающих движениях, Сила воли такого человека проявляется, главным образом, в упорстве.

Интеллектуальные наклонности

Огромная внутренняя работа над тем, чтобы научиться сдерживать себя, не только сильно подавляет эмоции, сказываясь на состоянии интеллекта и на поступках, но и оттягивает большую часть энергии от повседневных занятий. У Залкинда чрезмерное штрихо- и петлеобразование, отсутствие плавности, беспокойность и видимая несоразмерность движений руки указывают на

интеллектуальную неорганизованность. Необычные, оригинальные соединения букв (например, «ль», слоги с «ы») встречаются, но не преобладают, как это бывает у людей способных, не владея искусством безупречного вывода, улавливать главное, суть. Слова при письме не наползают друг на друга, но расстояния между ними неравномерные. К тому же часто попадаются слова с как бы отдельно выписанной первой буквой. Стало быть, человек в явной форме (при общении, в дискуссиях) или неявной (неартикулируемой) с трудом соглашается с мнением других. Его не могут убедить даже чисто логические аргументы, потому что интеллект больше ориентирован на «авторитет».

Чрезмерные петли в буквах, каллиграфическое написание которых их вообще не предусматривает (например, «р», «ж», «ф», «к»), и отсутствие таковых в буквах с петлями («з», «у») выдают непоследовательность в интеллектуальной деятельности. Признаки же сосредоточенности и «занятости мыслью» (например, союз «и» и предлог «у» ставятся ближе к последующему слову) говорят об определенной живости мышления, но недостаточных аналитических способностях. Примечательна в этом отношении авторская манера делить текст на абзацы. На первой странице первая строка начинается с классического отступления от левого края. Человек только приступил к работе и хорошо себя контролирует. Далее следуют два «авторских» варианта — абзацы определяются уже не отступлением от левого края, а недописыванием строки справа. На второй странице, после паузы, вызванной пополнением ручки чернилами, а значит, и небольшого отдыха, к человеку возвращается самообладание. В результате перед нами три классических абзаца. Но, начиная с третьей страницы и до последней автор выдает абзацы только в своей манере. Причем четвертая их вообще не содержит; тут он полностью захвачен стихией текста. С одной стороны, нить мысли вроде не потеряна, но с другой – конец этой нити находится в тех глубоких эмоциональных пластах, где идет вечный спор с прошлым. Исчезает абзац – в споре побеждает прошлое, возвращается – выигрывает автор.

Во внешне витиеватой манере письма присутствует безотчетная попытка сообразовать свою субъективность с собственным же интеллектом. Наглядный пример —подпись, перегруженная в начале и указывающая этим на склонность к умственному труду. Однако связность трех последних букв служит свидетельством спутанности мышления. А возвратный вензель в конце подписи означает, что человеку регулярно приходится переделывать сделанное. Это тоже является выражением эмоционального «перегрева», который, естественно, мешает интеллектуальным занятиям, сказываясь на глубине и определенности мыслей.

Заключение

Доминанта этой личности — непрекращающиеся (как безотчетные, так и сознательные) попытки подогнать себя под установки, чуждые очень неоднозначному, но «родному» темпераменту, со всеми вытекающими последствиями. У нее остра внутренняя потребность укрыться, защититься, обезопасить себя. А потому она находится по своему эмоциональному складу в «группе риска». Реальный мир сгибает или вовсе ломает таких людей. Но наш герой упорно стремится закрепиться на чужом психическом поле. Возникающие по этой причине противоречивые реакции только усиливают его страдания. Чтобы их избежать, человек старается приобрести самый разнообразный опыт, дающий ему, с одной стороны, ощущение твердой почвы под ногами, с другой, — уверенность в собственной универсальности и ценности.

Стараясь быть реалистом, наш автор — человек с доминантной оборонительной установкой — настойчиво утверждается и укрепляется в фикции «ценного» человека, руководителя и даже лидера. Чтобы эта фикция приносила плоды, ему постоянно приходится развивать кипучую деятельность, обнаруживая преимущественно организационную ловкость на разных участках этой деятельности. Такому человеку, действительно, покой только снится. И не потому, что он является мятущейся натурой, а потому, что без внимания он чувствует себя невостребованным, забытым и, по сути, несчастным. Вот почему его непринужденность и общительность, желание находиться в центре внимания и даже пленять — всего лишь компенсация одиночества и страха, а серьезное внутреннее волнение внешне выглядит как деловитость, спокойствие и даже веселость.

Интеллектуальные наклонности героя таковы, что он редко создает новые идеи или открывает новые пути. Мыслительные усилия направляются в основном на расширение, углубление, применение уже имеющихся идей. На этом поприще наш автор может преуспеть, потому что им движет мощное, постоянно подстегиваемое чувством своей «малости», желание известности, пусть и в узком кругу, — так сказать, быть первым хотя бы в деревне, а Рим — впереди.

Эмоциональная зависимость нашего автора от прошлого навязывает ему безопасные варианты поведения, вынуждая постоянно приспосабливаться к внешним обстоятельствам, проявлять осторожность и осмотрительность. Это двояким способом сказывается на личности. С одной стороны, у нее развивается боязнь проявить себя, высказать собственное мнение, а с другой, — непомерное тщеславие и амбициозность. Отсюда — истощающий

человека внутренний конфликт, проявляющийся в жизни как безволие и податливость с одновременной агрессивностью.

Таким образом, перед нами личность, просто сотканная из противоречий. В ней практически нет ни одной черты, которая бы не контрастировала с другой. Это справедливо и в отношении темперамента, и в отношении личностных качеств. Сквозь почерк проглядывает «маленький человек», которого большие амбиции заставили, в отличие от известного чеховского персонажа, выйти из футляра и броситься в гущу событий. Но его там ждало разочарование — мир встретил его отнюдь не с распростертыми объятиями. Он так и не решил для себя, что хуже — прозябание в безвестности или беззащитность перед людьми, которые видят в нем, казалось бы, только объект для нападок. И ему ничего не осталось, как уйти в себя и замкнуться, превратив в футляр дело, которому была посвящена жизнь.

Аннотапия

В настоящей статье предпринимается попытка воссоздания личностного портрета Залкинда на основе сохранившихся образцов его почерка. Рассматриваются психоэмоциональные особенности, склад характера и интеллектуальные наклонности «героя». Показываются сложность и противоречивость его натуры и то, как они проявляются в письме. Особое внимание уделяется подписи, которая выдает его глубинные порывы и потаенные желания. В своеобразном почерке Залкинда усматривается маленький человек, готовый идти навстречу превратностям жизни, но исполненный трепета перед ними и стремящийся избежать лобовых столкновений.

Ключевые слова:

Почерк, подпись, графологический портрет, психоэмоциональный строй, склад характера, интеллектуальные наклонности.

Summary

An attempt of reconstructing the personality of A.B. Zalkind on the base of his handwriting is undertaken in the present article. The psychoemotional tune, personal constitution, and intellectual dispositions of the "hero" are examined. The complicatedness and contradictoriness of his nature are displayed as well as how they manifest themselves in the script. A special attention is paid to the signature which reveals his deep bursts and undercover desires. Through the freakish handwriting of Zalkind a «petty person» peeps out, willing to meet vicissitudes of life but full of trembling in front of them and trying to avoid head-on collisions.

Keywords:

Handwriting, signature, graphological portrait, psychoemotional tune, personal constitution, intellectual dispositions.